

УДК 81'42

DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-96-111

МЕТАФОРА КАК БАЗОВЫЙ КОМПОНЕТ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ТЕКСТОВОГО МАТЕРИАЛА

М. В. Шатских

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

В статье рассматривается эмоциональное пространство текстового фрагмента и способы его вербализации. Отмечается, что эмоции играют огромную роль в сфере политики и идеологии, так как именно в этой области наиболее ярко могут и должны проявляться эмоции и переживания современного поколения, касающиеся и того, что сейчас происходит в реальности, и того, что ждёт человечество в будущем. Основная цель статьи заключается в выявлении особенностей метафорического представления реальности. Для решения поставленных задач использовались следующие методы исследования: описательный метод, метод контекстного анализа и классификационный метод. Методологической базой статьи послужили исследования П. К. Анохина, Я. Рейковского, В. И. Шаховского и др. Теоретическая значимость заключается в том, что на основе синтеза двух аспектов — лингвистического и эмоционального — исследованы и представлены механизмы и закономерности метафоры как наиболее яркого языкового средства. Подчёркивается, что в письменной газетной коммуникации специфическими особенностями эмоциональной речи считаются изменения в архитектурном построении высказываний, различного рода повторы, эллиптические конструкции, искажение порядка слов, появление междометий, так называемых слов-паразитов, нарушение смысловой целостности, различного рода синтаксические конструкции с чужой речью и др. Замечено, что главным показателем эмоциональности в письменном текстовом материале являются, прежде всего, лексические единицы, представляющие собой основные показатели эмоционального отношения автора к представляемому. Рассмотрена метафора как первое языковое средство, которое отражает авторское восприятие (эмоцию) описываемого. Представлены возможные группы образных метафор. Практические результаты исследования могут найти применение в рамках курсов по теории языка, лингвистическому анализу текста, лексикологии.

Ключевые слова: эмоция; метафора; текст; событие; коммуникация; политический дискурс.

Metaphor as a Basic Component of the Emotional Space of Texts

Marina V. Shatskikh

Kuban State University, Krasnodar, Russia

The article discusses the emotional space of a text fragment and ways of its verbalization. Emotions play a huge role in politics and ideology, since it is in this area that emotions and feelings of the modern generation can and should most clearly manifest themselves, in regard to both what is happening now and what awaits humanity in the future. The main purpose of

the article is to identify the features of metaphorical representation of reality. Using the descriptive method as well as the methods of classification and context analysis and leaning on the work done by P. K. Anokhin, Y. Reykovsky, V. I. Shakhovsky and others, the author analyzes mechanisms and patterns of the metaphor at the intersection of the linguistic and emotional aspects and presents it as the most expressive language means. Among features of emotional speech specific for newswriting there are such patterns as changes in the architectonic structure of utterances, various repetitions, elliptical constructions, interjections and filler words, distortion of word order, violation of semantic integrity, various kinds of syntactic constructions with quoted speech, etc. However, the main indicators of emotionality in written texts are words that represent key characteristics of the writer's emotional attitude to her subject matter, and metaphors remain the primary tool that reflect the writer's perception of and emotions towards what she describes. The article presents possible groups of sensory metaphors and thus provides additional theoretical and practical material for courses in the theory of language, linguistic analysis of the text, and lexicology.

Key words: emotion; metaphor; text; event; communication; political discourse.

1. Введение

Новая антропоцентрическая парадигма в языкознании возвратила человеку статус меры всех вещей и обусловила размытие границ между наукой о языке и другими областями знаний. Именно благодаря этому сегодня возможно говорить о философском, политическом, социологическом и других аспектах в изучении языка. Интерес к политической коммуникации также стал одним из символов данной парадигмы.

Предметом пристального изучения политический дискурс стал во второй половине XX века, с появлением первых работ, посвященных политической лингвистике. Примечательно, что чем более демократичной и открытой была жизнь общества, тем большее внимание уделялось именно сфере политической коммуникации.

Одной из важнейших характеристик политического дискурса является интенциональность (или наличие цели). Политическому дискурсу свойственно наличие интенции — его целью является осуществление успешной борьбы за власть и поддержание репутации политика (Романов 2002). Главная функция политического дискурса — побудительная, которая выражается в желании получить власть. Именно поэтому политический дискурс так богат различными языковыми элементами. Политическая лексика — это область, постоянно подверженная изменениям (Карасик 1998). Согласно А. П. Чудинову, данные изменения «обусловлены стремлением политических сил подчеркнуть новизну политической системы или своих взглядов и убеждений» (Чудинов 2012: 94). Лексическая составляющая политического дискурса в первую очередь богата метафорами и метафорическими конструкциями.

2. Характеристика материалов и методов исследования

Основным материалом исследования являются тексты в основном политического характера на английском языке, опубликованные в британских печатных изданиях в 2016–2020 гг. Исследование выполнено в соответствии с теоретическими положениями и принципами анализа содержательной структуры текстового пространства, с подключением описательного метода, метода контекстного анализа и классификационного метода.

3. Результаты исследования и их обсуждение

Языковое пространство любого информационно-содержательного материала характеризуется использованием аффективных языковых средств, что связано с желанием автора текста оказать эмоционально-оценочное воздействие на читателя. Именно использование переносного значения той или иной лексической единицы является специфической чертой языка как художественной литературы, так и политического газетного текста. Метафора обладает сложной семантической структурой, коннотативное значение которой включает экспрессивный, эмоциональный и оценочный компоненты. Метафора (*metaphora* греч. — «перенос») является одним из языковых средств (механизмов), смысл которого заключается в использовании слова, обозначающего предмет, класс предметов, явление для дачи характеристики другому предмету, классу предметов или явлению путем установления между первым и вторым общих (схожих) черт (Баранов, Караулов 1994). Согласно Лингвистическому энциклопедическому словарю понятие метафоры может быть применимо для характеристики случаев, когда любое слово употребляется в значении, отличном от его прямого (Лингвистический энциклопедический... 1990). Семантически главной характеристикой метафоры является ее двойственность, то есть прямое значение слова и его метафорическое содержание, что позволяет трактовать такое слово или выражение, учитывая его внешнюю оболочку и внутреннее содержание (Будаев, Чудинов 2008; Бейсенбаев 2019).

Основными характеристиками метафоры являются:

- асимметрия обозначаемого и означающего;
- несоразмерность и несоответствие;
- преувеличение (гиперболичность);
- прототипичность (Мартынова 2008).

Существуют различные виды метафор: индикативная (указательная), познавательная (когнитивная), экспрессивно-образная (поэтическая), языковая и экспрессивно-оценочная (Анисимова 2006).

Поскольку главная цель политического дискурса — завладеть и управлять вниманием слушателей, можно утверждать, что экспрессивно-

образная метафора будет наиболее эффективной для достижения данной цели, так как:

- она обращена к воображению слушателей, а не к их знаниям, то есть к чувствам, а не разуму;
- она использует кратчайший путь к сути обсуждаемого объекта или явления, что позволяет сконцентрироваться на нужных говорящему позициях, опуская при этом ненужные детали;
- она допускает множество интерпретаций, что позволяет одновременно завладеть вниманием различных слушателей;
- предтечей предыдущей цели является слияние в экспрессивно-образной метафоре образа и смысла (Безценная 2007).

Но возникает вопрос: как с точки зрения когнитивистики метафора сменяет свою категорию? Метафора является комплексным явлением, если рассматривать ее через призму когнитивистики. Метафора содержит в себе два смысловых комплекса, первый из них — это содержание источника (фокус), а второй — оболочка цели (фрейм) (Нуретдинова 2011).

Если проанализировать механизм образования метафоры, то можно заметить, что он напоминает процесс мышления, который проводит аналогии между предметами. Метафора представляется как «семантический сдвиг на уровне смысла» (Балмагамбетова, Ескараева 2019). В данном процессе можно выделить три последовательных этапа:

- сначала подбирается наиболее подходящий аналог;
- затем информация или ее часть переходит из поля источника в поле цели;
- появляются побочные эффекты, являющиеся прямым следствием подборки аналога (Баранов 2014: 186).

Практически любое событие, любой факт или явление вызывает эмоции. Практически любой поступок человека пробуждает то или иное ощущение, настроение, эмоцию (Gibbs 2008). П. К. Анохин отмечал, эмоции — это «физиологические состояния организма, имеющие ярко выраженную субъективную окраску и охватывающие все виды чувствований и переживаний человека — от глубоко травмирующих страданий до высоких форм радости и социального жизнеощущения» (Анохин 1964: 339). Сегодня эмоции играют огромную роль в сфере политики и идеологии, так как именно в этой области наиболее ярко могут и должны проявляться эмоции и переживания современного поколения, касающиеся того, что происходит в реальности, и того, что ждёт человечество в будущем (Musolff 2004).

Практически в любом высказывании содержится эмотивный аспект, поскольку даже сообщение о каком-то факте, происшествии обязательно

затрагивает психический план, коммуникатор (сообщающий) не может оставаться полностью равнодушным и представлять информацию как робот, без каких-либо эмоций, так как человек постоянно рефлексировывает, пропускает сказанное через себя (Kövecses 2005). В свою очередь реципиент тоже определенным образом реагирует на сказанное, независимо от того, заинтересовало его данное сообщение или нет, он уже не равнодушен, даже если сказанное ему совершенно безразлично, в мозгу человека происходит психическая реакция, он может думать о том, что стоит за этой информацией, к чему может привести то или иное, даже, на первый взгляд, ординарное событие, или же, что меня это совершенно не волнует, мне это совершенно не интересно, что уже свидетельствует о его сопричастности, внимании, определенном отношении к высказыванию и эмоциональной вовлеченности.

Согласно Я. Рейковскому, существует три уровня эмоциональной интенсивности: умеренный, высокий и максимальный, каждый из которых по-своему влияет на построение речи (Рейковский 1979).

Вербальное выражение эмоций всегда субъективно, так как их носителем является человек. Эмоции неотделимы от ситуации. В каждой отдельно взятой ситуации человек испытывает различные эмоции и, следовательно, средства их выражения тоже будут разными (Кураш 2019).

Эмоции обязательно присутствуют при всех мыслительных действиях человека, поскольку они являются его неотделимой частью, и мы не можем просто «отключить» все эмоции и действовать только по велению разума.

Таким образом, эмоции являются причиной употребления различных пластов лексики, разнообразных средств выражения, так как они выводят человека из состояния равновесия, провоцируя на употребление сильных выражений, способных передать всю бурю чувств, не дающих покоя. В момент эмоционального напряжения чувства человека обостряются, требуют выхода наружу, выплеска, и это ведет к появлению в речи различных элементов, в том числе и определённой лексики, для выражения тех или иных переживаний и состояний (Gibbs, Tendahl 2006).

В политической газетной коммуникации первым языковым средством, которое отражает авторское восприятие (эмоцию) описываемого, является метафора.

Рецепция метафоры представляет собой сложный процесс, состоящий из нескольких этапов. Сначала устанавливается буквальное значение метафоры, которое затем сопоставляется с контекстом, в котором данная метафора использовалась. На заключительном этапе устанавливается то имплицитное значение метафоры, которое послужит

связующим звеном между прямым её значением и изначальным контекстом (Баранов 2014: 142). Метафора представляет собой оптимальный пример когнитивного процесса, в котором использование ассоциации и сопоставления осуществляется для переноса знаний из одной содержательной сферы в другую. Метафора довольно частотна в политической коммуникации ввиду её сильной эмоциональной насыщенности. Критика, призыв, ультиматум, протест — все это в политическом дискурсе можно выразить, прибегнув к метафоре. Более того, в политике использование метафор предпочтительнее открытых фраз ввиду упомянутой двусмысленности метафор, что придает политическим высказываниям определенную гибкость (Анисимова 2006).

Метафоризация в политической газетной коммуникации может вести как к изменению онтологического статуса знания, к примеру, неизвестная ранее информация становится известной, так и к тому, что ранее известные и привычные сведения приобретают новые, прежде немислимые значения (Арутюнова 1999). Необходимо отметить, что при образовании метафоры в основе переноса значения может лежать лексическая единица практически из любой сферы человеческой деятельности, что позволяет разделить политические метафоры, то есть метафоры, используемые в газетной коммуникации при представлении того или иного события или явления политической направленности, на различные тематические группы: экономические, медицинские, военные, строительные, технические и др.

Широко известна классификация Н. Д. Арутюновой, в которой предлагается 4 типа метафор: номинативная (предикативная), которая называет предметы (*раковая опухоль коррупции*); образная (*потопить финансовую систему*); когнитивная, которая касается признаков слов (*президентская гонка*) и связана с полисемией; генерализирующая, которая является конечным результатом когнитивной метафоры (*черная неблагодарность*) (Арутюнова 1999: 336).

Анализ статей из англоязычных газет *The Guardian*, *The New Yorker* и *Vox* показал, что чаще всего авторами используется образная метафора (23 примера), на втором месте — когнитивная метафора (18 примеров), а на третьем — генерализирующая метафора (10 примеров).

В данной статье рассматриваются различные виды образной метафоры в политическом тексте, объединенные в тематические группы в соответствии с их референтными областями (космос, архитектура, медицина, война, стихийные природные явления и т. д.). На наш взгляд, именно они обладают наибольшей воздействующей силой на читателя. Этот факт объясняется тем, что благодаря метафоре политические события представлены на фоне таких широко известных явлений, которые испокон

веков вызывали и вызывают сейчас сильные (порой запредельные) эмоции в сознании каждого человека. Реципиенты политического текста как бы мысленно накладывают описываемые события на фоновые знания о других более масштабных явлениях, которым всегда сопутствует чувство боли, ужаса, грандиозности происходящего и т. д. В результате те же чувства воскрешаются в сознании реципиента при восприятии метафоризируемых политических событий.

При всем многообразии человеческих эмоций (от чувства восторга до ощущения ужаса) полемический характер политического текста имеет, скорее, критическую направленность, поэтому ориентируется на референтные события, вызывающие отрицательные эмоциональные состояния. Результаты анализа политических статей на различные темы позволяют утверждать, что наиболее частотными оказываются метафоры из таких областей, как медицина, война, хозяйственная деятельность или традиционные занятия человека, стихийные природные явления и т. д. (Lakoff, Johnson 2003).

Рассмотрим более подробно каждую группу политических метафор.

Медицинские метафоры разнообразны по своему характеру, но всегда дают отсылку на широко известные врачебные процедуры или явления.

Говоря о потенциальном новом референдуме, «Гардиан» пишет: *another vote, another national bloodletting* (The Guardian) / «еще одно голосование, еще одно кровопускание». Здесь процесс голосования сравнивается с довольно болезненной медицинской процедурой кровопускания, которая раньше широко практиковалась в медицине, но давала только временное облегчение или вообще не приносила никакой пользы больному. Через эту метафорическую отсылку читатель ощущает, что политическое событие — голосование — проходит в Великобритании небезболезненно для граждан, поскольку тема Брэксита стала чрезвычайно острой, однако, по мнению автора, в действительности голосование мало повлияло на политику государства. Благодаря метафоре параллель между медицинской процедурой и политической ситуацией становится совершенно очевидной.

В статье *The Great Crime Decline* («Значительное снижение преступности») мы встречаем такое предложение: *An epidemic of violence was resolved without addressing what were thought to be its underlying disorders* (The New Yorker) / «С эпидемией насилия справились без обращения к скрывающимся за ними, как тогда считалось, беспорядками». Здесь насилие сравнивается с заразной болезнью, которая может принять характер эпидемии. В условиях современной санитарной обстановки в

мире метафорическое сравнение скорости распространения насилия в стране со скоростью распространения эпидемии вызывает особенно сильный эмоциональный отклик у читателей.

Медицинские метафоры могут иметь более сложный характер и опираться на дополнительные коннотативные или имплицитные знания читателя.

Другой пример такой образной медицинской метафоры можно встретить в статье *Raining on Trump's parade* («Дождь на параде Трампа»). О традиционном французском параде автор пишет: *In this sense, the parade is a celebration of Bonapartism, meant to immunize the Republic against Bonapartism* (The New Yorker) / «В этом смысле парад — это празднование, которое должно иммунизировать Республику от бонапартизма» — здесь автор сравнивает проведение парада с медицинской процедурой повышения иммунитета, призванной защитить организм от угрозы здоровью. Однако имплицитная семантика данной фразы, на наш взгляд, имеет более сложный характер: концептуальное значение существительного «празднование» воскрешает в памяти традиционно выработанный со времен Римской империи способ разрядки внутрисполитической напряженности в стране. «Хлеба и зрелищ!» — лозунг, который свидетельствует о безотказности этого способа урегулирования политической напряженности в стране. На этом семантическом фоне метафоричность глагола «иммунизировать» становится еще более очевидной.

В другом предложении этой статьи мы также видим образную метафору: *Today, in a tougher budgetary climate, Republicans must deliver bitter medicine along with the sugar (with more medicine to come as deficits spike)* (The New Yorker) / «Сегодня в более жестком бюджетном климате республиканцы должны подавать горькие лекарства вместе с сахаром (и лишь когда дефицит резко дает о себе знать, самого лекарства должно быть больше)». Здесь решения государства об экономическом регулировании (а конкретнее — об утверждении новых законов) сравниваются с решением врача, прописывающего больному лекарство, но, чтобы не вызвать отторжения, примешивая в лекарство сахар. Метафорическая игра на противопоставлении горького и сладкого позволяет читателю четче осознать политическую ситуацию в стране, воскрешая в памяти хорошо всем известные вкусовые ощущения. Стоит отметить, что данная метафора по своей семантике совпадает с русским фразеологизмом «подсластить горькую пилюлю».

Упоминание о жестком климате как о фоновом факторе, вызывающем необходимость медикаментозного лечения, усиливает основную метафору.

Политические метафоры, дающие отсылку на природные явления разного характера, в анализируемых текстах встречаются регулярно. Возможно, этот факт объясняется тем, что каждый человек испытал их воздействие на собственном опыте или знает о них из широко известных письменных источников (Musolff 2004).

В той же статье встречаем *...he had spread enough muck on the EU...* (The New Yorker) / «...он успел достаточно полить грязью ЕС...» — здесь критика Бориса Джонсона по отношению к Евросоюзу сравнивается с физическим действием — размазыванием грязи. Такая метафора вызывает эмоциональный отклик у читателя и заставляет его видеть политика в негативном свете.

В статье *Fear and abuse won't change Brexit minds* («Страх и насилие не изменит сознания поддерживающих Брэксит») используется образная метафора: *There is a cold wind of reality blowing through leave and remainer territory alike* (The Guardian) / «Холодный ветер реальности дует на территории как на тех, кто за отделение, так и на тех, кто против». Реальность (экономическая и социальная ситуация) сравнивается с холодным ветром, на который человек не имеет возможности повлиять. Тем самым автор доносит идею того, что Брэксит становится неконтролируемым процессом, способным навредить каждому.

Неоднократно встречаются метафоры, связанные с мощными, порой смертоносными потоками воды или защитой от них.

Рассмотрим еще один пример образной метафоры из этой статьи: *One explanation, perhaps the most important, is that they have built a formidable electoral floodwall* (The Guardian) / «Одно из объяснений [смелости республиканцев], и, возможно, самое важное, заключается в том, что они построили себе внушительную дамбу из избирателей». Здесь речь идет о том, что республиканская партия имеет сильные позиции в конгрессе, поэтому республиканцы могут позволить себе принимать непопулярные решения. Поддержку избирателей на выборах автор представляет в виде «дамбы», позволяющей партии оставаться на крепких позициях. Дамба как надежная защита между неконтролируемым потоком воды и спокойной обстановкой за ее пределами становится ярким эмоциональным образом.

В этой же статье встречаем предложение: *As the number of animators in the Academy steadily grew — and with it, the number of animators from outside the major studio system — more diverse films began to creep into the*

category. Then the floodgates opened (The Guardian) / «Вместе со стабильным ростом аниматоров в Академии — и одновременно числом аниматоров за пределами системы главных кассовых студий — самые разнообразные фильмы начинают проползать в эту категорию. А затем плотина прорвалась». Сравнивая количество анимационных фильмов с мощным потоком воды, прорвавшим «плотину», автор заставляет читателя почувствовать и мысленно пережить весь ужас наводнения, когда поток воды сносит все на своем пути.

Схожий пример метафоры с отсылкой к значительным объемам воды наблюдается в следующем примере. В статье *Why American doctors keep doing expensive procedures that don't work* («Почему американские доктора продолжают проводить дорогие процедуры, которые не работают») встречаем такую образную метафору в предложении: *The deep reservoir of trust in physicians gives doctors both the civic responsibility and the political opportunity to spearhead efforts to address the problems of both over- and under-use of treatments* (Vox) / «Глубокий резервуар доверия к терапевтам дает докторам как гражданскую ответственность, так и политическую возможность возглавить движение, которое пытается решить проблемы и недостаточного, и излишнего лечения больных». Здесь доверие к врачам сравнивается с глубоким «резервуаром», что подчеркивает степень уважения к ним и что призывает самих врачей начать действовать.

Традиционная метафора войны в разных ее проявлениях также характерна для политического текста.

В статье *Boris's Brexit arguments — an unholy mix of bald assertion and Wikipedia* («Аргументы Бориса Джонсона за Брэксит — жуткая смесь смелых утверждений и Википедии») используется военная метафора: *He flags a message of conciliation* (The Guardian) / «Он размахивает флагом примирения») — политик Борис Джонсон сравнивается с солдатом во время военных действий, поднимающим белый флаг. Образная военная метафора используется для подчеркивания остроты конфликта между партиями, триумфа и проигрыша одной из них.

В этой же статье встречаем: *Eventually, the war over Obamacare will end* (The Guardian) / «В конце концов, война за реформы здравоохранения Обамы закончится». Представление внутривластного конфликта как войны — это одна из наиболее используемых метафор в газетном дискурсе. Такой образ воздействует на читателя, заставляя его видеть политическую ситуацию в черно-белом цвете.

В политическом тексте метафора позволяет осознать новую или сиюминутную политическую ситуацию через ее сопоставление с хорошо известными фактами. На наш взгляд, это объясняет частое появление

метафор, воскрешающих в памяти различные виды бытовой, хозяйственной деятельности человека или его традиционных занятий и увлечений. Рассмотрим ряд примеров.

Так, в статье *This Valentine's day, time to let go of manufactured desire* («В этот день Святого Валентина пора проститься с промышленным производством желаний») общий ажиотаж вокруг «праздника любви» сравнивается с механической фабрикой, в которой не осталось места для настоящих чувств, зато присутствует широкий, порой всеохватывающий масштаб. Яркая метафора «промышленное производство желаний», объединяя крайне разнородные и далеко отстоящие в тезаурусном пространстве лексические единицы, вызывает особенно яркий эмоциональный отклик.

В этой же статье есть пример другой образной метафоры, опирающейся на факты бытового насилия: *Right after being pummeled into submission by incessant music that is piped into stores to manipulate feelings of unobtainable desire, we are subjected to Valentine's Day chocolates replacing Christmas items on store shelves* (The Guardian) / «Сразу после того, как, избив нас до полного подчинения, беспрестанно играющая музыка в магазинах пробудила в нас чувства невероятного желания, мы невольно обращаем внимание на шоколадки ко дню Святого Валентина, которые пришли на смену рождественским товарам». В данном случае музыка сравнивается с агрессивным действием с целью подчинения кого-то своей воле: через такое звуковое насилие покупателей заставляют приобретать ненужный им товар в большом количестве. Это довольно жесткие метафорические образы, обличающие людей, которые наживаются на подарках и услугах ко дню Святого Валентина. Через эмоциональное воздействие метафоры автор призывает читателя одуматься и не идти на поводу у недобросовестных коммерсантов.

Еще один пример образной метафоры можно увидеть в следующем предложении: *People want patriotism. If they are given only bad nationalism in its place, they will swallow that instead, and come to make it part of their diet* (The Guardian) / «Люди хотят патриотизма. Если вместо него дать им лишь второсортный национализм, они проглотят его и в конце концов сделают его частью своей диеты». Здесь идеология национализма сравнивается с плохой едой, которой политики пытаются «накормить» население своей страны. Метафора создается благодаря сочетанию слов «второсортный», «проглотит», «диета». Автор воздействует на читателя, призывая внимательно относиться к навязываемым идеям, идущим от власти.

В этой же статье автор использует развернутую образную метафору: *Almost the only ideological consistency that Trump and Trumpism have, after*

all, is the urge to troll liberals, and, the argument goes, liberals should not take the bait and allow themselves to be so trolled (The Guardian) / «Практически единственное идеологическое постоянство, которое наблюдается у Трампа и его соратников, — это желание ловить на удочку (в значении — провоцировать) либералов, и во время спора либералы не должны попадаться на приманку и позволять тянуть себя на берег». Сравнение политических споров с рыбалкой (противопоставление охотника и жертвы) снижает важность этих диспутов и заставляет читателя иронично смотреть на события в мире политики.

Другой пример образной метафоры мы находим в статье *It's a golden age for animated film. A new Oscar rule could end it* («Золотой век анимации. Новое правило Оскара может положить ему конец»). Рассмотрим предложение: *But even though the major Hollywood studios might rule the box office, each year the Oscar nominations go some ways toward balancing the scales by highlighting a diverse array of animation styles from around the world* (Vox) / «Но хотя крупные голливудские студии — это самые кассовые фильмы, среди номинантов Оскар для уравнивания весов каждый год появляется большое разнообразие разных стилей со всего мира». Здесь выбор, который делается Американской академией кинематографических искусств и наук, сравнивается с «уравниванием» на весах чего-либо. Таким образом, автор показывает, что выбор малоизвестных и некассовых фильмов производится не по художественным качествам, а по правилам приличия.

Рассуждения Джонсона описываются как *nonsense from his half-baked imagination* (The Guardian) / «вздор его полуиспеченного воображения» — здесь мысли политика сравниваются с тестом, что опять же направлено на создание образа глупого и самоуверенного человека.

Рассмотрим следующий пример: *Among the reasons to doubt Wolff's book, "Fire and Fury" — in addition to his assertion, in the author's note, that he doesn't know whether a lot of it is true — is the way that he explains the influence of women in Donald Trump's orbit the influence of women in Donald Trump's orbit* (The New Yorker) / «Среди причин, по которым можно сомневаться в правдивости книги Уольфа “Огонь и Ярость”, — помимо признания автора того, что он не знает, правда ли все, что он написал, — можно назвать то, как он объясняет влияние женщин с орбиты Дональда Трампа». В этой метафоре («орбита Дональда Трампа») подчеркивается величина фигуры президента США — автор сравнивает его с небесным телом (солнцем или планетой), вокруг которого постоянно крутятся спутники (спутницы в данном случае). Несмотря на пренебрежительное

отношение к фигуре политика, автор статьи все-таки признает масштаб его личности.

В статьях на политические темы можно встретить и более редкие метафоры, например, отсылка к фантастическим существам. В статье *The GOP is trying to pass a super-unpopular agenda — and that's a bad sign for democracy* («Великая старая партия (республиканская) пытается провести супер-непопулярную программу — и это плохой знак для демократии») мы встречаем такое предложение: *Massively unpopular bills used to be unicorns. You didn't see them (Vox)* / «Такие исключительно непопулярные законопроекты раньше были единорогами. Их никто не видел». Сравнивая непопулярные законопроекты с мифическим существом, авторы подчеркивают их редкость и удивление тому, что сейчас такой законопроект может пройти дальше.

Еще один достаточно редкий пример: в статье *Facebook, Donald Trump, and the myth of open platforms* («Фейсбук, Дональд Трамп и миф об открытых платформах») также встречается образная метафора. Так, в предложении *Algorithms and AI — the next stage in all this — wrap our biases and prejudices in a gleaming tower of math (Vox)* / «Алгоритмы и Искусственный Интеллект — следующая стадия всего этого — заворачивают всю нашу предвзятость вместе с предрассудками в сияющую башню математики». В данном примере сложные алгоритмы социальной платформы сравниваются с неким полотном, которое окутывает общественное мнение, что влияет на ту информацию, которую получает пользователь Сети. Образ «сияющей башни» вызывает ощущение чего-то величественного, отдаленного и недостижимого. Иными словами, автор дает почувствовать, что совершенные технологии лишь подчеркнут несовершенство людей — и если человек привык читать новости из сомнительных источников, то только такие источники и будут ему попадаться благодаря устоявшимся алгоритмам.

Итак, мы проанализировали 15 статей англоязычных журналов *The Guardian*, *The New Yorker* и *Vox* и обнаружили, что наиболее употребляемыми являются образные метафоры (по классификации Н. Д. Арутюновой). Их можно сгруппировать в разные группы: группу медицинских или биологических метафор, группу «природных метафор», группу «военных» метафор и др.

4. Заключение

В статьях встретились и другие образные метафоры, которые сложно объединить в одну группу. Однако в целом можно подвести итог и сказать, что образные метафоры — это мощный инструмент воздействия на

читателя, не потерявший свою актуальность в цифровую эпоху. Метафоры делают текст ярче и привлекают внимание читателя, они создают в сознании человека конкретные образы, помогающие быстрее и доходчивее объяснить читателю точку зрения автора, и наконец, метафоры вытесняют логические средства аргументации, приучая читателя верить суждениям, основанным на эмоциональном представлении ситуации.

Список литературы / References

- Анисимова А. А.* Роль метафоры в структуре политического дискурса // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006 г.): труды и материалы в 2 т. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006. Т. 1. С. 42–44. [Anisimova, Aleksandra A. (2006) Rol' metafory v structure politicheskogo diskursa (The Role of Metaphor in the Structure of Political Discourse). *III Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniya: I. A. Boduen de Kurtene i sovremennyye problemy teoreticheskogo i prikladnogo yazykoznaniiya* (Kazan, 23–25 maya 2006 g.): trudy i materialy v 2 t. (III International Boduen Readings: Ivan A. Boduen de Kurtene and Modern Problems of Theoretical and Applied Linguistics (Kazan, 2006, May 23–25): works and proceedings in 2 volumes). Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta, 1, 42–44. (In Russian)].
- Анохин П. К.* Эмоции // Большая медицинская энциклопедия. Т. 35. М.: Медгиз, 1964. С. 339–367. [Anokhin, Petr K. (1964) Emotsii (Emotions). *Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya* (Great Medical Encyclopedia). Moscow: Medgiz, vol. 35, 339–367. (In Russian)].
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека: языковая метафора (синтаксис и лексика). М.: Языки русской культуры. 1999. [Arutyunova, Nina D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka: yazykovaya metafora* (Human Language and World: Linguistic Metaphor (Syntax and Vocabulary)). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. (In Russian)].
- Балмагамбетова Ж. Т., Ескараева А. Е.* Когнитивный подход к исследованию метафоры // *Social Sciences: Achievements and Prospects Journal*. 2019. № 5 (13). С. 25–37. [Balmagambetova, Jeanne T. & Eskaraeva, Akerke E. (2019) Kognitivnyj podkhod k issledovaniyu metafory (A Cognitive Approach to the Study of Metaphor). *Social Sciences: Achievements and Prospects Journal*, 5 (13), 25–37. (In Russian)].
- Баранов А. Н.* Дескрипторная теория метафоры. М.: Языки славянской культуры, 2014. [Baranov, Anatoly N. (2014) *Deskriptornaya teoriya metafory* (Descriptor Theory of Metaphor). Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. (In Russian)].
- Безценная Ж. П.* Роль метафоры в политическом дискурсе [Электронный ресурс] // Вестник Харьковского национального автомобильно-дорожного университета. 2007. № 36. URL: <http://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-harkovskogo-natsionalnogo-avtomobilno-dorozhnogo-universiteta> (дата обращения 16.04.2020). [Beztsennaya, Jeanne P. (2007) (2020, April 16) Rol' metafory v politicheskom diskurse (Functions of Metaphor in Political Discourse). *Bulletin of the Kharkiv National Automobile and Highway University*, 36. Retrieved from <http://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-harkovskogo-natsionalnogo-avtomobilno-dorozhnogo-universiteta>. (In Russian)].

- Бейсенбаев Р. М. Эволюция понимания метафоры в зарубежной и российской лингвистической науке // Эпомен. 2019. № 25. С. 305–311. [Beisenbaev, Ruslan M. (2019) *Evolyutsiya ponimaniya metafory v zarubezhnoy i rossiyskoy lingvisticheskoy nauke* (Evolution of Understanding Metaphor in Foreign and Russian Linguistic Science). *Eromen*, 25, 305–311. (In Russian)].
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации: монография. М.: Флинта: Наука, 2008. [Budaev, Edward V. & Chudinov, Anatoly P. (2008) *Metafora v politicheskoy kommunikatsii: monografiya* (Metaphor in Political Communication: Monograph). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].
- Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185–197. [Karasik, Vladimir I. (1998) *O kategoriyaх diskursa* (On the Categories of Discourse). *Yazykovaya lichnost': sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty: sb. nauch. tr.* (Language Personality: Sociolinguistic and Emotive Aspects: Collection of Scientific Works). Volgograd: Peremena, 185–197. (In Russian)].
- Кураш С. Б. Феномен метафоры в русистике: от прошлого к будущему // Русистика. 2019. Т. 17. № 2. С. 171–183. [Kurash, Sergei B. (2019) *Fenomen metafory v rusistike: ot proshlogo k budushchemu* (The Phenomenon of Metaphor in Russian Studies: from the Past to the Future). *Russian Language Studies*, vol. 17, 2, 171–183. (In Russian)].
- Мартынова Ю. А. Метафора в современном политическом дискурсе // Известия Саратовского университета. 2008. Т. 8. Сер. Социология. Политология. Вып. 1. С. 125–129. [Martynova, Yulia A. (2008) *Metafora v sovremennom politicheskom diskurse* (Metaphor in Modern Political Discourse). *Izvestiya of Saratov University*, vol. 8. Series: Sociology, Politology, 1, 125–129. (In Russian)].
- Нуретдинова А. Д. Функционирование концептуальных метафор в политическом дискурсе (сопоставительный аспект) // Язык и социум: материалы VIII Междунар. науч. конф., Минск, 3–4 декабря 2010 г. в 2 ч. Минск: БГУ, 2011. Ч. 2. С. 133–136. [Nuretdinova, Antonina D. (2011) *Funktsionirovanie kontseptual'nykh metaphor v politicheskom diskurse (sopostavitel'nyy aspekt)* (Functioning of Conceptual Metaphors in Political Discourse (Comparative Aspect). *Yazyk i sotsium: materialy VIII Mezhdunar. nauch. konf., Minsk, 3–4 dekabrya 2010 g. v 2 ch.* (Language and Community: Proceedings of VIII International Scientific Conference, Minsk, 2010, December 3–4, in 2 Parts). Minsk: BSU, 2, 133–136. (In Russian)].
- Рейковский Я. Эмоции и познание. М.: Прогресс, 1979. [Reikovskiy, Janusz. (1979) *Emotsii i poznanie* (Emotions and Cognition). Moscow: Progress. (In Belorussian)].
- Романов А. А. Политическая лингвистика: функциональный подход. М.: Тверь: ИЯ РАН, 2002. [Romanov, Alexey A. (2002) *Politicheskaya lingvistika: funtsional'nyj podkhod* (Political Linguistics: a Functional Approach). Moscow: Tver: IYa RAN. (In Russian)].
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. [Chudinov, Anatoly P. (2012) *Politicheskaya lingvistika: ucheb. posobie. 4-e izd.* (Political Linguistics: a Textbook. 4th ed.). Moscow: Flinta: Nauka. (In Russian)].
- Gibbs, Raymond W., Tendahl Markus. (2006) Cognitive Effort and Effects in Metaphor Comprehension: Relevance Theory and Psycholinguistics. *Mind & Language*, 21 (3), 379–403.

- Kövecses, Zoltan. (2005) *Metaphor in Culture. Universality and Variation*. New York: Cambridge University Press.
- Lakoff, George, Johnson Mark. (2003) *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.
- Musolff, Andreas. (2004) *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe*. London: ed. by Palgrave Macmillan UK.
- Gibbs, Raymond W. (ed.) (2008) *The Cambridge Handbook of Metaphor and Thought*. Santa Cruz: University of California.

Словари / Dictionaries

- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994. [Baranov, Anatoly N. & Karaulov, Yuri N. (1994) *Slovar' russkikh politicheskikh metaphor* (Dictionary of Russian political metaphors). Moscow: Pomovskiy i partnery (In Russian)].
- Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. [Yartseva, Victoria N. (ch. ed.) (1990) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* (Linguistic Encyclopedic Dictionary). Moscow: Sovetskaya entsiklopedia. (In Russian)].

Источники языкового материала / Language material resources

- Gopnik, Adam. (2018, February 5) The Great Crime Decline. *The New Yorker*. Retrieved from: <https://www.newyorker.com/magazine/2018/02/12/the-great-crime-decline>.
- Gopnik, Adam. (2018, February 7) Raining on Trump's Parade. *The New Yorker*. Retrieved from: <https://www.newyorker.com/news/daily-comment/raining-on-trumps-parade>.
- Jacob, S. Hacker & Pierson, Paul. (2017, December 7) The GOP Is Trying to Pass a Super-unpopular Agenda — and That's a Bad Sign for Democracy. *Vox*. Retrieved from: <https://www.vox.com/the-big-idea/2017/12/7/16745584/republican-agenda-unpopular-polls-tax-reform>.
- Klein, Ezra. (2018) Facebook, Donald Trump, and the Myth of Open Platforms. *Vox*. Retrieved from: <https://www.vox.com/policy-and-politics/2018/2/15/17006188/facebook-donald-trump-russia-bots-fake-news>.
- Muir, Hugh. (2018, February 14) Fear and Abuse Won't Change Brexit Minds. *The Guardian*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/feb/14/fear-brexit-voted-despair>.
- Summers, Sam (2018, January 19) It's a Golden Age for Animated Film. A New Oscar Rule Could End It. *Vox*. Retrieved from: <https://www.vox.com/the-big-idea/2018/1/19/16909002/oscars-animation-nominations-pixar-independent-academy>.
- Thrasher, Steven W. (2018, February 14) This Valentine's Day, Time to Let Go of Manufactured Desire. *The Guardian*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/feb/14/valentines-day-manufactured-desire>.
- William, Zoe. (2018, February 14) Boris's Brexit Arguments — an Unholy Mix of Bald Assertion and Wikipedia. *The Guardian*. Retrieved from: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/feb/14/boris-johnson-brexit-arguments-an-unholy-mix-of-bald-assertion-and-wikipedia>.